Субъект. Часть первая

Автор:
Андрей Но

Субъект. Часть первая

Андрей Но

New Sci-Fi (1С)Субъект #1

Андрей Но – молодой писатель, работающий в сложном жанре – на стыке традиционной фантастики и современной интеллектуальной прозы. Наиболее известна его книга «Субъект». Она вызвала среди читателей полярные мнения – от восхищения до полного неприятия. Причина – в оригинальном сюжете и переосмыслении избитых канонов сегодняшней фантастики.

Роман как минимум познавателен: он объясняет устройство человеческого мозга через необычные экшен-ситуации.

«Главный герой в результате несчастного случая обретает новый способ восприятия мира. Сначала это кажется ему временным последствием травмы, но чем дальше он экспериментирует со своими экстраординарными способностями, тем больше возможностей для себя открывает. Его действия не остаются незамеченными, ведь герой активно использует свой дар на благо себе и для помощи окружающим. К нему проявляет интерес таинственная организация «Айсберг», занимающаяся секретными исследованиями в области нейрофизиологии, и предлагает сотрудничество в изучении феномена. Герой не сразу понимает, в чём именно заключается это сотрудничество…»

Книга довольно объёмна, и мы предлагаем вам ознакомиться с ней в виде сериала из четырёх частей.

Андрей Но

Субъект. Часть 1

Пролог

Лейтенант приподнял оградительную ленту, освобождая проход. Прибывший осмотрелся. Участок был на удивление хорош, просторен. Высокие стены усадьбы озаряли проблесковые маячки полицейских машин. Вечерний воздух был приправлен копотью. Холеное лицо сморщилось и будто с мольбой обратилось к небу. Небо неодобрительно хмурилось в ответ.

– Не… Сюда Господь точно не заглядывает, – понимающе ухмыльнулся оперативник.

Прибывший покосился на него, как на душевнобольного. Было видно, как он с трудом сдержался от колкости.

– А мне казалось, ему нет места там, куда приходим мы.

– Ах да, да… Вы ж люди науки, – осклабился оперативник, – не то что мы, холопы верующие…

Ученый дипломатично кашлянул.

– Надо полагать, вашим экспертам пока не удалось установить предположительные…

– О, там настоящая бойня… Так сразу и не скажешь. Некоторые выглядят так, будто в аварию попали. Даже не знаю, чем их… Пойдемте, глянете сами. Вот, кстати, – полицейский протянул ему пачку салфеток. Тот свысока уставился на них.

– Салфетки? И что же я, по-вашему, должен с ними делать?

Лейтенант пожал плечами и спрятал их обратно в жилетку. В прихожей до сих пор витала пыль, а на дорогом, узорчатом ковре рядом с треснувшей стеной поскрипывала под ногами бетонная крошка. Люстра, старомодная и увесистая, каким-то чудом горела, озаряя разрушения и лица вошедших. Лейтенант только сейчас исподлобья заметил, что у прибывшего белая, как снег, не только кожа, но и волосы, брови, ресницы, и только глаза отдавали слабым багрянцем. Впрочем, такими ученых он себе и представлял.

– Там граната жахнула, – объяснил лейтенант, глядя на то, как тот с брезгливостью провел рукой по своим белым прядям. – Ничего интересного. А вот что выше, м-м…

На втором этаже бесшумно сновали судмедэксперты с линейками и лазерными дальномерами, светя ими в пулевые отверстия на стенах. Безостановочно щелкали фотоаппараты, освещая застывшие в неестественных положениях тела. Альбиноса передернуло – один из трупов был сложен пополам, как скрепка. А еще одного, в дверях, будто зажевало металлорежущим станком.

– А я про что, – довольно протянул оперативник, заметив реакцию, – но это еще ничего.

Он приотворил висящий на петлях огрызок, чтобы человек науки смог проскользнуть в проем, не наступив случайно на останки. Крови было разбрызгано так много, что даже томно-малиновый цвет обоев не мог этого скрыть. С кричащим бахвальством нависала над камином медвежья пасть, раскрытая в беззвучном и навсегда застывшем крике. Под обломками шифоньера угадывалась чья-то мясистая рука. Скривившись, альбинос демонстративно отвел взгляд.

– Глядите, – весело окликнул его оперативник, – походу, этому тоже не захотелось на все это смотреть.

Он указывал на труп в домашнем халате, у которого голова заканчивалась там, где начинались зубы. В руке символично был зажат револьвер.

– Что скажете? Или это уже не ваш пациент? Вы же на мозгах специализируетесь, ха-ха…

– Скорее, на мозгах того, кто это предположительно сделал.

– А что, думаете, этому помогли? – удивился полицейский.

– Посмотрите на кисть, – зажав нос, ученый склонился над телом. Закоченевшие пальцы, посмертно сжавшиеся на рукояти, выглядели как-то анатомически неправильно.

– Вас ничего не смущает?

Оперативник впервые нахмурился и задумчиво навис над его плечом. Тем временем, в прихожей послышались разгоряченные голоса, что быстро приближались. В зал шагнул человек в деловой форме и головой, похожей на фундук.

– Лейтенант. Мы договаривались держать друг друга в курсе, – менторским тоном заявил он с порога.

Оперативник выпрямился, смерив зашедшего недовольным взглядом.

– Вы не из нашей части. Что вы здесь забыли?

– А я думал, пара лишних извилин тут явно не будут лишними, – рассеянно сказал тот, уже поглощенный изучением огромного настенного пятна крови. – Тем более, у вас тут их явно недостает, – бросил он ироничный взгляд куда-то между оперативником и трупом в халате.

Оперативник усмехнулся.

– Вам, следакам, на месте что ли не сидится? Здесь вам не обычная разборка местных группировок…

– А с некоторых пор, я как раз и специализируюсь на необычном, – отчеканил следователь и замер напротив медвежьей головы. С его губ ворчливо слетело нечто похожее на слово «самоутверждение».

Полицейский тоже что-то пробормотал, но решил не продолжать спор. Вместо этого он повернулся к застывшему ученому.

– А вообще, справедливости ради… Мы ведь давно искали на них управу.

Лицо следователя вмиг ощетинилось.

– То есть, вы находите подобное стечение обстоятельств… удачным?

– Чего уж скрывать… Кто-то сделал нашу работу.

– На то она и наша, чтобы ее не делал кто-то другой, – строго возвестил он и принялся ощупывать расколотую столешницу. Оперативник закатил глаза и повлек за собой беловласого ученого на выход, в дальнюю комнату, где все еще толпились судмедэксперты. Судя по всему, когда-то она была домашней библиотекой, но сейчас тут были опрокинутые шкафы, раскиданные по полу фолианты, запачканное кровью кресло…

– Господи, а с этим то что?

Еще один труп с зажатым в руке пистолетом выглядел вполне невредимым. Разве что на лице застыла мука, а остекленевшие глаза закатились так, будто последнее, что он попытался увидеть, это собственный затылок.

– Предположительная причина смерти пока не выявлена, – развел руками специалист в желтом комбинезоне, – и да, рядом всего одна гильза, но самой пули здесь пока не нашли.

– Любопытно, – пробормотал альбинос и, изъяв из кармана фонарик, сел рядом с телом и начал светить тому под одубевшие веки. В комнату неслышно, как приведение, скользнул следователь.

– Ну? Что скажете? – спросил полицейский у альбиноса.

– Я, конечно, не уверен. Но состояние глазных яблок указывает на сильнейший ушиб головного мозга.

– А внешних следов его нанесения нет, так? – влез следователь.

– Как видите.

В глазах следователя мелькнуло мрачное торжество. Он повернулся к оперативнику.

– Лейтенант, вы не представляете с чем имеете дело.

Все присутствующие переглянулись и разразились истерическим хохотом. Лейтенант толкнул в бок одного из сотрудников.

– Ты это, ха-ха… Подключи его к заполнению протокола. Он мастер подводить итоги, ха-ха…

И только альбинос не смеялся. Он исподлобья посматривал на того, кто всех рассмешил.

Глава 1. Раздражитель

Тремя месяцами ранее.

Город лихорадило. Кругом мелькали неприветливые лица. Противно моросил дождь. По тесным улочкам сновали машины, не пожелавшие стоять в пробках. А в скорости, с которой они мчались по непригодным для этого задворкам улиц, читалось пренебрежение к пешеходам, которые само собой уступят, увидев быстро надвигающийся автомобиль.

Кулаки невольно сжались, когда сзади требовательно просигналили, веля отступить, но отступать было некуда. Обочина была сплошь заставлена рядом других забрызганных грязью машин. Пришлось протискиваться.

Мимо неторопливо проехал внедорожник. На его отполированном до зеркального блеска крыле мелькнул темноволосый парень с худым лицом и недоверчиво сошедшимися на переносице бровями. Хмуро оглядевшись по сторонам, он стер автомобильную сажу со своей кожанки и продолжил свой путь.

Роста он был невысокого, но при этом все равно как-то умудрялся не теряться в толпе. Наверное, потому что между ним и другими людьми прослеживалась непримечательная, но все же усердно соблюдаемая дистанция. Она обособляла и по-своему выделяла его на фоне других. И все же, выдерживать ее удавалось не всегда…

Широченный зад пожилой женщины, еле волочащийся, закупоривал узкий проход тропинки, словно холестериновая бляшка – капилляр. На его покашливание и нарочито громкое шарканье подошвой женщина не реагировала. На слова, как выяснилось следом – тоже.

Попробовав было проскользнуть по краю обочины, паренек врезался в нее, потому что именно в этот момент широкой женщине вдруг захотелось всем телом посмотреть куда-то влево.

– Извиняюсь, – буркнул я, сдвигая ее со своего пути.

– Ну куда?! Куда прешь-то?!.. Места ему мало, – мгновенно завелась она, наливаясь дурной кровью. Но я уже был вдалеке от нее как в метрах, так и в мыслях. Глаза то и дело нервно поглядывали на наручные часы. На лекцию нового преподавателя по нейрофизиологии я опаздывал уже не в первый раз. Тот пока что ограничивался лишь неодобрительными, многообещающими взглядами, но мне страшно было думать, что однажды это перерастет в нечто большее, и за взглядами последуют действия, к которым я не был готов… Как и любой другой, уважающий себя студент.

Но как же сложно было не опаздывать. Я еле заставлял себя вставать, одеваться, завтракать… Стоп!

Мне пришлось еще раз внимательно глянуть на часы с чувством некоего подвоха. Да у меня же нет, и никогда не было наручных часов!.. Я продолжаю лежать у себя в кровати…

Подорвавшись в этот раз на кровати по-настоящему, я дико осмотрелся. В ногах застряли джинсы, а стрелка настенных часов переваливала за цифру девять. Запах глазуньи крался через щель комнатной двери и щекотал ноздрю. Сосед по коммунальной квартире уже вовсю собирался на работу.

Мышцы отказывали мыслям, а сами мысли – того же свинцового оттенка, что и небо – сомневались в себе же, в своей целесообразности, желая снова уступить место благостным снам. Проклиная все вокруг, я таки натянул джинсы до конца, застегнул рубашку, прихватил с собой контейнер с едой и голодным побежал на лекцию.

На ходу я прокручивал в уме наспех выдуманную, невразумительную причину, что задержала. На входе в учебное заведение вахтерша, обычно переоценивающая свои незначительные полномочия, на удивление вежливо поприветствовала меня и даже не стала задерживать с предъявлением студенческого билета. Уже поднимаясь по ступенькам, я старательно нагнетал дыхание, чтобы мои усилия противостоять выдуманной ситуации казались убедительней.

Простояв некоторое время в нерешительности у двери, я уже было занес руку, чтобы постучать, как та неожиданно открылась. На пороге возвышалась лектор – очень высокая женщина лет тридцати, с тяжелой челюстью, короткой, мальчишеской стрижкой и выраженной гетерохромией[1 - Гетерохромия – мед. Различный цвет радужной оболочки левого и правого глаза. Является результатом относительного недостатка или избытка пигмента меланина.], – и молча смотрела на меня. С ней полсотни пар глаз из аудитории тут же уставились на неожиданно возникший раздражитель. От такого избытка сосредоточенного на мне внимания и без того неровная дорожка мыслей, приготовленных в качестве оправдания, скомкалась и застряла на языке.

– Ваша фамилия? – вполголоса поинтересовалась преподавательница, – впрочем, неважно, – перебив меня на полуслове, она посторонилась. – Надеюсь, впредь будете пунктуальней.

Вклинившись в предпоследний ряд, я уселся рядом с похрапывающей жертвой ночной смены. Стараясь не шуметь, достал все необходимое. Однако мысль о том, что я способен перекрыть своей возней вещание преподавателя, была опрометчивой. Ее голос гулко разносился по залу, заставляя подпрыгивать

клюющих носом учеников.

– Нейроны, проводящая поверхность которых выстлана миелинизированной оболочкой, имеют преимущество над теми нервными волокнами, которые не содержат миелин. Кто мне скажет, чем обусловлено преимущество? – спросила она, пройдясь взглядом по тут же понурившимся головам. – В обоих случаях происходит деполяризация мембраны, однако, с изолирующей оболочкой миелина она проистекает быстрее? Почему же?

Какая-то студентка шумно выдохнула, пряча лицо в ладони.

– В чем дело? – напряженно поинтересовалась лектор.

– Зачем это нам? – сдавленно спросила девушка. – Нас и без того на других предметах душат. Так еще и здесь! Где же нам пригодится знать, как проходит эта мембрана, не понимаю?! – в ее голосе зарождались истерические нотки. – Мой мозг и так перегружен!

– Купи ноотропов, – со смешком посоветовал кто-то студентке с соседнего ряда. – Включишь мозг с десяти до ста процентов.

– Какие еще проценты? – услышала лектор. – Что за чушь?

– Ну, это же… Фильмы ведь про это есть, документалки всякие… Научпопы…

– Нет никаких десяти и ста процентов, – выплюнула лектор. – И супергероические фильмы, повествующие о неких дремлющих отделах человеческого мозга, вам тоже врут. Все отделы мозга без исключения работают по мере необходимости. Другое дело, что биологическая ткань – это не медный провод, так что связи между отделами имеют свойство ослабевать, если их периодически не нагружают. И даже необратимо исчезать, утаскивая с собой саму личность… Так что, – ее разноцветные глаза насмешливо блеснули из-под очков с хищно заостренными углами оправы, – бояться надо вовсе не перегрузки мозга…

– Ага, так и скажу диспетчеру подстанции в следующий раз, – хрипло забормотал рядом со мной жертва ночной смены. – При всем уважении… Но

зачем нагружать мозг знаниями, которые не пригодятся на работе? Мне ж не в профессоры идти…

– По-вашему, эта информация никчемна? – вскинула бровь лектор.

– В моей работе – да…

– А с чего вы взяли, что она ваша?

Жертва ночной смены раздраженно закатил глаза и снова завалился на парту.

– Слушайте, – изменившимся тоном произнесла лектор, – вы можете вызубрить весь материал, все эти механизмы, разглядев их лишь издалека, удачно отчеканить на сессии то, о чем не имеете представления, а через неделю выкинуть из головы. А можете погрузиться в суть, – в ее зеленом глазу вспыхнул фанатичный огонек ученого, – проникнуть в глубинные детали, найти инициаторов этих необычных явлений. Поняв, как это работает, вы уже не сможете быть прежними. Ваше любопытство будет расти в поисках все новых ответов, впоследствии чего ваш статус зарекомендует себя как настоящего специалиста. Востребованного и уважаемого.

Аудитория замолкла. Те, кто пытался оправдать свою неуспеваемость, пристыженно поникли, и даже отъявленные бездельники сделали серьезное лицо.

– Мне кажется, это то, зачем вы пришли сюда, – промолвила лектор, – поэтому соберитесь и сосредоточьте внимание на моих словах. На словах, а не на иконе его величества Павлова, вы меня слышите? – повысила она голос на студентку. Та, дернулась, будто проснулась.

– Слышу, да.

– О чем-то замечтались? – понимающе усмехнулась лектор. – Не имею ничего против игр воображения… Но так ли уж в нем много правды? Есть ли смысл погружаться в собственные мысли, когда вокруг столько чужих?..

Само собой есть, – хотелось возразить мне, но в то же время не хотелось лишний раз заострять на себе внимание преподавателя.

Собственные мысли мне всегда казались предпочтительнее чужих… А игры воображения в моем случае вообще были чем-то повсеместным. Правды в них было мало, это так. Но так ли уж она важна, если все было по-моему, все устраивало…

Воображение представляло собой утопию, в которой любой сюжет, действие и даже момент я был способен обдумывать сколько угодно, выверяя тонкость произнесенных мною слов… Я мог писать сценарий моим и чужим движениям, отточенным вплоть до сотой доли градуса, чтобы потом, смакуя, наблюдать за этим всем со стороны…

Но это лишь тень той настоящей привлекательности, которой обладало воображение. Его главным козырем являлись возможности… Какие угодно, даже абсолютно неадекватные.

В воображении мир мог выстраиваться не только на общепринятых законах. В нем могли царить только мои идеи, и лишь иногда рядом с ними шло в ногу что-то привычное, но только для контраста, для самоутверждения бесконечно превосходящего над ограниченным. В конце концов, только в воображении я мог по-настоящему быть самим собой…

Я окончательно абстрагировался, засмотревшись на самого себя, совершавшего некий зрелищный и эпический подвиг. Переливающийся тонами голос профессора нейрофизиологии я слышал, но не воспринимал, все это стало блеклым и вторичным. Течение событий в моем воображении заело, как пластинку, поставив фрагмент выдуманного кинофильма на повтор…

Я проваливался в теплые объятия сна. Тело цепенело, а среда, которую заполоняло мышление, стала ледяной и студенистой, как вода в проруби, отчего мысли обледеневали и, потеряв способность летать, шли на дно и, дойдя до него, беззвучно разбивались… Водопад убаюкивающих воспоминаний, шум которого упал почти до нуля… Но одно из них мне показалось…

– …его повреждения приводят к антероградной амнезии, – гаркнула лектор где-то совсем рядом, заставив меня подпрыгнуть. – Кто скажет, что опосредует нам

связь с миром?

– Глаза, уши, – тут же среагировал какой-то парень.

– Обоняние, – поддакнул кто-то еще.

– Органы чувств, – выразился некто более точно.

– Точнее! – потребовала лектор.

На этом узкоспециализированные знания у аудитории закончились.

– Ре… – запоздало начало зарождаться у меня в горле.

– Рецепторы! – воскликнула лектор, не дождавшись. – Именно они оповещают о событиях, творящихся вокруг нас, включая то, что творится внутри нашего же тела. Самыми наглядными рецепторными органами являются ухо, глаза, нос… Мой монолог, – она развела руки в стороны, – не более чем волна колебаний воздуха самой разной амплитуды, частоты и тембра. Мы дифференцируем ее, превращая физическое явление в смысл, в речь… В музыку…

То же можно сказать и про электромагнитное излучение видимого спектра, которое, попадая в глаз, преобразуется в пейзажи, в произведения искусства, в захватывающий текст… Однако между зрением, слухом и другими органами чувств есть нечто общее – это электрохимический импульс… Переведенное на нейромедиаторный язык сообщение из внешнего мира…

Это электрохимическое сообщение поступает в мозг на обработку для последующей интерпретации, для переваривания услышанного, увиденного, унюханного на свой лад, и тут нам снова нужен импульс… Естественно, никаких шаров, фракталов и прочих движущихся фигур, что вы видите в процессе визуализации, в действительности внутри вас нет. Это все те же электросигналы, что гоняют по нейронам, как состязающиеся гоночные автомобили на Формуле-1…

Какой бы сложной ни была информация, и каким бы многоступенчатым ни было умозаключение на нее в ответ – это те же кодировки, облаченные в ряд

электрохимических потенциалов. Сами мысли, эмоции и воспоминания – туда же… И тут, возможно, некоторые из вас, – с сомнением посмотрев на откровенно скучающую половину класса, лектор понизила голос, – зададутся вопросом… А что же тогда способствует возникновению случайной мысли? Скажем, толчку к внезапному воспоминанию?

– Затрещина! – осенено воскликнул парень, звучно хлопнув по хребту своего спящего соседа по парте. Многие тут же оживились, загоготав над шуткой. От такого юмора мне всегда хотелось прикрывать лицо ладонью.

Сама преподаватель тоже скривилась, словно от зубной боли.

– Допустим на одно мгновение, – молвила она, подплывая к парте с шутником. – Что на это вас толкнул внутренний голос – не иначе, как самой души. Между делом, она якобы диктует вам как жить, как поступать в щекотливых ситуациях в соответствии с выдвинутыми ею моральными принципами… Но ведь, как мы уже выяснили, чтобы зародилась мысль, даже столь внезапная, как в вашем случае, необходима генерация импульса, что обеспечил бы ее возникновение, так?..

Лектор замерла напротив его стола.

– Так позвольте же узнать, что, в свою очередь, сгенерировало ваше смелое предположение?

Парень беспомощно заозирался и, неуверенно скривив губу, с насмешкой выдал:

– Пошутить захотел, что же тут такого…

– А что предшествовало этому желанию?

– Ну… – он вызывающе поднял взгляд, – скука.

– А за этим?

– Ваше… ваше, м… позерство.

Лектор жахнула ладонью по столу, заставив студента испуганно откинуться на спинку стула.

– Именно! – она довольно направила на него палец. – Внешний раздражитель.

Парень недоуменно повел плечами, но лектор уже заложила руки за свою гордо выпрямившуюся спину и, отвернувшись, обратно прошествовала к доске.

– Мысль, сама по себе, без повода, возникнуть не может. Она нуждается в толчке извне. А что им может быть? Правильно! Раздражитель… И пресловутой душе для осознания себя тоже нужен раздражитель, а соответственно, и рецептор, способный его принять и немедленно отреагировать мыслью. Понимаете, к чему веду?

Аудитория не понимала.

– Инстинкты и подсознание – те же самые раздражители, только внутренние. Они подсказывают, как нам существовать под влиянием чужеродных раздражителей, расположившихся вне тела. Но нет раздражителей – значит, нет и повода для отклика рецепторов, соответственно, нет и мыслей, что представляют собой реакцию и только реакцию на воздействие извне!..

Повисла тишина, от которой повеяло бесстрастным холодом космических просторов. Лектор понизила голос до едва различимого шепота, тем не менее, отчетливо звенящего у каждого в ушах.

– Вся наша сущность – это адаптация к условиям, в которых мы живем. Без условий нет смысла, как и нас самих. Чистой, самопроизвольной и существующей независимо от тела мысли не существует. Стало быть, и души, покинувшей тело – а значит, и лишенной живых рецепторов, – тоже нет, и быть не должно…

В аудитории было настолько тихо, что мне почудились скрипы шариковых ручек на соседних этажах.

– Да-а-а… – глаза лектора зажмурились, будто она услышала любимую музыку, – вот так звучит когнитивный диссонанс[2 - Когнитивный диссонанс – психол.

Психический дискомфорт, вызванный столкновением в сознании индивида противоречивых знаний, убеждений, поведенческих установок относительно некоторого объекта или явления.]. Конфликт мировоззрения с чем-то новым, опровергающим и заставляющим его трещать.

– Вы хотите сказать, что и Бога нет? – вызывающе спросила какая-то девушка. Я мельком оценил ее вид. Закрытый пиджак цвета черно-белой ряби в телевизоре. Круглая спина, черные брюки, туго сплетенный отросток неухоженных волос. Нецепляющие взгляд черты лица, что уже скривились от неприязни и безудержного желания спорить. Я закатил глаза в ожидании очередной словесной перепалки о религии, которые в университетах последнее время зачастили.

– Я хочу сказать, что наша лекция подходит к концу, – глянув на часы и убедившись в этом, отозвалась лектор. – Встретимся во вторник. И не забудьте сдать доклад о преимуществах человеческого вида. Вы! – она резко окликнула молоденькую, робкую студентку, которая тут же вспыхнула до самых корней своих светло-русых волос. Голос преподавателя стал необычайно мягким. – Останьтесь. Вашу зачетную… Следует обсудить отдельно.

Глава 2. Башня Ворденклиф

– А? Что? Нет, – раздраженно ответил я неопрятному прохожему, что преградил путь и вопросительным жестом поднес ко рту два желтых пальца. Сунув наушник обратно в ухо, я возобновил играющий музыкальный трек. И снова я вынужден был на миг вернуться в неприятную действительность, чтобы ответить на чей-то никчемный вопрос. Яркие и возвышенные мысли, навеянные музыкой, в одночасье потемнели, смертельно отравившись от соприкосновения с реальным миром.

Меня затопило раздражением. Шаг невольно ускорился, остервенело преодолевая подмерзшие лужи. Раздражением напомнила о себе боль в правом подреберье из-за желчекаменной болезни. Раздражением отозвалась подкрадывающаяся мигрень, обычно без осечек предупреждающая о надвигающихся магнитных бурях и похолоданиях. Раздражением, и отнюдь не в предстательной железе, аукнулось воспоминание о весьма немиловидной

одногруппнице, что не сводила с меня глаза – круглого и алчно косящегося одну лекцию за другой. Раздражалась сама мысль о раздражении, от переизбытка сосредоточия на ней и от нехватки ярких и неизгладимых впечатлений в моей жизни.

О да, таких у меня серьезно недоставало, отчего в моей и без того монотонной жизни стирались ее разграничительные деления – дни. Я путался в датах, ссорился с людьми из-за дезориентировки в буднях, а из-за географических особенностей местного солнцестояния терялся еще и во времени. Я просыпался во тьме и возвращался в нее сразу же после учебы. Мысли путались от однообразия. Могло произойти и так, что обувался и застегивал куртку я в пятницу, а по мере приближения к университету, по тому же самому, донельзя опротивевшему маршруту, вдруг оказывалось, что на самом-то деле уже среда.

Но сегодня, я точно это знал, была суббота. Пары закончились чуть раньше, чем обычно, реже приходилось замирать, уступая самозабвенно несущимся автомобилям, а еще в голове теплилась мысль, подобно направляющему свету маяка, что прорезал подернувшуюся мглой перспективу – напоминание о долгожданной встрече с другом. Завтра он выступит на музыкальном фестивале под открытым небом – в качестве сессионного бас-гитариста, приглашенного в одну из групп, – а после мы пошатаемся по парку. Завтрашнему дню, вопреки моему давлению в висках, синоптики пророчили быть ясным и безоблачным, а солнцу – беспощадным для всех, кто от него отвык. Соответственно, юбки безбашенных девчонок также обещают быть ультракороткими и, бесспорно, ласкающими глаз.

Конечно, стоило также не забывать о поиске новой подработки, что был запланирован на этот долгожданный выходной. Скривиться от этого мне не дало лишь допущение, что и там вполне можно было наткнуться на оттаивающих от затяжной зимы девчонок, наверняка достаточно оголодавших после спячки и безрассудных, о чем в обычную пору можно только мечтать.

Переступив порог своего дома, я сразу бросил взгляд на половик. Ботинок нет. Кажется, сосед еще не вернулся. Вообще-то он был тем еще аскетом, скупым на разговоры и воздерживающимся от покушений на святую тишину. Конечно, не беря во внимание его шмыганье носом… И все же я испытал вороватую радость. На какую-то секунду можно было представить, что я был единоличным владельцем этой двухкомнатной квартиры, а значит, мог и не оглядываться чуть что через плечо и делать все, что мне заблагорассудится.

Рыжей, заспанной тенью нечто скользнуло из-за угла и упруго врезалось мне в ноги. Расплывшись в улыбке, я послушно склонился к коту, влекомый ритуалом его радушного гостеприимства. Тот шоркнул меня своей кустистой щекой. В эти минуты действительность была как никогда прекрасна.

Я запустил пальцы в загривок. Шерстка была длинной и, словно злаково-карамельный водопад, просачивалась меж пальцев, а раскосые глаза цвета древесной коры, тронутой лучом заходящего солнца, были преисполнены беззаветной любви. Широкий нос безостановочно фыркал, окропляя мелкими каплями мой пропахший улицей ботинок. Проведя по его прогибающейся спине еще раз, я не удержался и резко поднес палец к его мордашке. От моего ногтя отскочил мелкий разряд и щелкнул прямо по его фыркающему носу. Отшатнувшись, он подозрительно покосился на мою руку. Я предпринял попытку загладить свою вину в прямом смысле этого слова, но он лениво увернулся и гордо удалился в зал.

Да, в душе я все еще был ребенком. В детстве швырял камни, воображая, что это осколочные гранаты, а сейчас пускал из своих пальцев электрические разряды. Суть не изменилась. Разве что фантазии стали научно достоверней. Чем взрослее человек, тем интересней быть могут его грезы. Глубокие познания в тех или иных областях неизмеримо раздвигали границы внутренней империи, а наполняющий ее мир – щедро обогащали красками, делая его интуитивно правильным, неотличимым от реального… Я мечтательно завис, в который раз вернувшись к этой мысли…

– Пришли устраиваться к нам? – неожиданно окликнул меня чей-то сильный голос. Я растерянно оглянулся. В полумраке вестибюля обозначилась фигура незнакомого мужчины. Раскинув в приветствии руки, он уверенно направился ко мне. Спохватившись, я вспомнил, что уже пришел трудоустраиваться в фирму.

– Кхм, простите, – закашлялся я, давая себе фору на возвращение в текущую реальность, – да.

– Это с вами мы созванивались сегодня? Идемте, – решил он, приглашающе взмахнув ладонью. – Доводилось уже работать менеджером по продажам?

– Нет, – мотнул я головой. Но заметив проявившуюся складку на его лбу, спешно добавил: – Однако я уверен, что являюсь тем, кто вам необходим.

– Посмотрим, – протянул он. – Что заканчивали?

– Еще пока учусь. В медицинском.

Тот удивленно вскинул брови.

– Учитесь? На аккредитации должно быть…

– Нет. Еще пока студент.

Мужчина чуть было не замер. Вместо этого он откинул голову и повнимательнее прошелся по мне взглядом.

Чего это он так? Чего еще он ожидал услышать? В моем возрасте кроме как студентом в общем-то больше и некем быть…

– А специальность?

– Психотерапевт, – поморщился я.

– Не нравится специальность?

– Не то чтобы… Просто не определился еще с будущим, – пробубнил я, но опомнившись под его ошалевшим взглядом, оптимистически добавил: – Но а так хоть время зря не трачу. В наши дни, когда никто друг друга не хочет понимать, мне кажется, это немаловажный навык…

Мужчина остановился напротив вычурной двери.

– Прошу, – он пропустил меня внутрь. Я осмотрелся.

Внутри было чисто и просторно. Тихо шумел кондиционер, мыльно поблескивала кожа черных кресел. У задрапированного окна сидела перед компьютером белокурая, налитая молодостью секретарша. Она с готовностью подняла на меня заинтересованный взгляд, уцепившись за повод слегка отвлечься от отупляющей сортировки отчетов.

– Ну, присаживайтесь, – любезно предложил мужчина.

– Так вы менеджер отдела кадров или…? – смутился я, многозначительно окинув взглядом кабинет.

– Директор фирмы.

– О, прошу прощения, – растерялся я, чувствуя, как испаряется вся невозмутимость. Тут же бегло прокрутил в голове наш диалог, силясь вспомнить, не брякнул ли чего лишнего. Кажется, брякнул. И не раз…

– Значит, опыта у вас нет, как и диплома менеджера по продажам. Но раз ты… Вы, – он нетерпеливо махнул рукой, – да чего уж там, давай на ты…

Я кивнул.

– Так, значит, раз ты здесь, то явно не видишь в этом помеху. Ответишь на пару вопросов, а потом заполнишь анкету, – повернувшись к секретарше, он указал ей на принтер, затем уселся за свой рабочий стол.

– Итак, – начал он. Его лицо расплылось в лукавой усмешке, он полез в выдвижной ящичек, достал из него некий предмет. – Старо, как мир… Но ведь действенно! Хочу, чтобы ты продал мне эту ручку.

Моя голова внезапно опустела. Я еще раз беспомощно окинул взглядом помещение и директора, что выжидающе смотрел. Секретарша заинтересованно зависла. Я вернулся вниманием к авторучке в моей ладони. Простого, бесхитростного дизайна, не за что было зацепить взгляд, чтобы хоть что-нибудь придумать…

– Купите ее.

– Нет.

– А почему?

– Мой друг, – слегка удивленный моим простодушным подходом, директор с неловкой улыбкой почесал себе затылок. – Это так не работает…

– А почему не работает, кто сказал?

– Я сказал, – перестал улыбаться мужчина.

– Ну а так тем более не работает. Мне нужны рациональные обоснования такого мнения и ссылки на авторитетные источники…

Директор перекинулся взглядом с секретаршей, как бы спрашивая, не издеваюсь ли я над ним.

– Незнакомый человек не будет тратить время на обоснования.

– Почему вы говорите за незнакомого человека? – серьезно спросил я. – Мы же тут сейчас сидим в совершенно другой обстановке. Воображая себя в роли продавца и покупателя, мы неизбежно впадаем в стереотипы. А в действительности какие только люди не подворачиваются – никогда не угадаешь, что им на самом деле нужно и на что они готовы, как вы выразились, тратить время…

– Ну довольно философствовать, – отрезал директор. – Есть психологические приемы, которые одинаково действуют на всех – и на знакомых, и на незнакомых. Мне казалось, на твоей учебе это проходят…

– Ладно, как скажете. У вас есть проблемы?

Мужчина с неверящей ухмылкой слегка отстранился.

– Немного не понял. А тебя это разве как-то касается?

– Пока не запишетесь ко мне на сеанс, как к будущему психотерапевту – никак не касается. Но меня интересует сам факт. Есть они или нет?

– У всех они есть.

– И что вы делаете для их решения?

– Это ты меня спрашиваешь или условного покупателя ручки?

– Стал бы я так наглеть с будущим начальством, – мотнул головой я. – Прошу вас, не выходите из своей роли…

Директор насмешливо фыркнул и отмахнулся от меня.

– Ага, и незнакомец прям сразу начнет тебе расписывать все в деталях…

– А почему бы и нет? Каждый второй человек только и ждет мига, чтобы выговориться. Но я его своевременно прерву вопросом – ведет ли он о своих проблемах личный дневник?

– Ну, допустим, не веду.

– Зря… Проблемы надо прописывать на бумаге собственной рукой, и тогда решения будут появляться буквально из воздуха. Доказанная практика. А если не появятся, то хотя бы будете помнить, что за проблемы… Уже большой шаг к их искоренению.

– Ну, возьму на заметку. Это все?

– Нет, так не пойдет. Сколько стоит совет назойливого незнакомца? Бесплатно. Его вы выкинете в урну за первым же углом. А сколько стоит ваш один рабочий день? Круглую сумму, которую вы не захотите на что-то просто так выбрасывать, не так ли? Так поступите мудро – потратьте ее на эту ручку.

– А не много ли просишь за кусок пластика? – ошалело спросил директор.

– Чем больше сумма, тем более вероятно вы воспользуетесь приобретенной ручкой по назначению. Не так то просто будет смириться с потраченными зря деньгами, поэтому подсознательно будете искать способ эту сумму отбить. И вуаля, – я щелкнул пальцами. – Дневник пишется, проблемы решаются… И ручка продается.

– А сам-то ты дневник пишешь?

Мой рот растянуло в грустной улыбке.

– Я не тот человек, с которого бы стоило брать пример.

Мужик хохотнул и снова перекинулся взглядами со своей подопечной.

– Это уж точно!.. Ладно, повеселил ты, конечно… Все это звучало очень странно, но забалтывать ты явно умеешь… Так что берем тебя.

Я облегченно выдохнул.

– Ну… главное же уметь вовлекать в диалог, пусть даже и не важно о чем, не так ли? А дальше уже можно пропихивать в него и рекламу, и товары, и скидки, и вероисповедание… Да что угодно.

– Правильно, черт тебя дери, здесь у нас не академия белых воротничков-теоретиков… – одобрительно рявкнул директор. – У нас тут суровые реалии, и все происходит не как по учебнику, а как получится… А то одни подснежники со своими красными дипломами приходят… Тычут ими так, будто это хоть что-то значит… Чертовы дети… Напечатала? – развернулся он к секретарше.

– Да, – та протянула ему бланк.

– В общем, заполняй, ничего не упусти… И я рад! Рад, что не ошибся насчет тебя. А то ведь с каждым может такое… – он горячо похлопал меня по плечу, в глазах было странное понимание, – в общем, жду в понедельник. Ручка, – он подмигнул мне, – у тебя есть. До скорого, – крепко пожав мне руку, он удалился из кабинета. Еще некоторое время я задумчиво смотрел на хлопнувшую дверь. Что он имел в виду?.. И кто из нас еще после такого странно звучит?.. А, неважно! Главное, что я был с ходу принят… Принят!

Воодушевившись, я принялся было за заполнение графы в бланке, но осекся. Копия документа была распечатана наперекосяк. Необходимая графа для фамилии и имени отсутствовала… Лист начинался сразу с рассеченных вдоль и напополам букв, в которых угадывался вопрос о моем образовании.

Поколебавшись, я все же решил обратиться по этому поводу к секретарше.

– Да? Уже закончили? – всколыхнулась она от упавшей на столик тени, но тут же, не успел я вымолвить и слова, зазвонил рабочий телефон.

Судя по смене официально-деловых ноток в ее голосе на откровенную экспрессию, а также по предмету диалога, что работой даже и не пах, я решил, что разговор рассчитан далеко не на одну минуту. Вздохнув, все же вернулся за стол и принялся заполнять бракованный бланк.

Через пару мгновений я протягивал заполненный листок все еще щебечущей по телефону секретарше. Бегло пробежавшись глазами по кривым строкам, она обворожительно улыбнулась, обнажив свои белые и ровные причины внеконкурентного отбора на ее должность.

– Добро пожаловать в Технополис.

* * *

Держа в руке баночку пива, я шарил слегка затуманенным взором по столикам, пока не уткнулся в двух девушек. Судя по их прикиду, они были легкого поведения. Они бросали на проходящих мимо томные взгляды в самом углу кофейни.

– Вот, – я ткнул своего друга в бок, – они вроде свободны. Пошли к ним. Что такое? – я удивленно обернулся, не услышав поспевающих за мной шагов. Друг улыбался и отрицательно качал головой.

– У меня есть женщина, ты же знаешь, – протянул он.

– А чего тогда вечно жалуешься на нее? Ну-ка повернись боком, – внезапно попросил я. – Так, а теперь спиной, хм-м…

– Что там? – спросил друг, лениво склонив голову в попытке заглянуть за свое плечо.

– Да ничего хорошего, – невесело произнес я. – Боюсь, товарищ, это сколиоз.

Друг отмахнулся, едва не пролив свое пиво.

– Да, он самый, – убежденно кивнул я. – Сколиоз. Искривление третьей степени тяжести. Предположительная причина – вынужденное положение в скрюченной позе из-за регулярного пребывания под каблуком, – закончил я со смехом.

– Да пошел ты, – беззлобно отозвался он.

– Пойду. Но только с тобой.

Поупиравшись еще немного, он все же поддался на мои уговоры. Ему нужна была стратегия, а я предпочитал импровизацию. Толком ничего не придумав, мы бестолково застыли у столика с двумя молодыми особами. Те прервали беседу и с недоумением уставились на нас.

– Простите за опоздание, – виновато выдохнул я, бесцеремонно усаживаясь напротив. Друг не понимал, что у меня на уме, но все же последовал моему примеру.

Девушки опешили, и их рисованные брови изогнулись в вопросительные знаки.

– Вы что, не узнаете меня? – удивился я.

– А мы вообще знакомы? – усомнилась одна из них. Я отстранился от этих слов как от удара.

– Неужели вы не помните, где и как мы познакомились? – вознегодовал я.

Девушки изумленно переглянулись и украдкой принялись изучать мое лицо. Даже поддатая улыбка друга не вызывала у них подозрений. Я терпеливо улыбался, в надежде, что меня «вспомнят». По их лицу то и дело пробегала легкая тревога. Может, опасались, что знакомились мы с ними ровно в тот момент, пока они пребывали в алкогольной отключке? По подружкам было видно, что подобные похождения для них обычный выходной.

– Нет, – неуверенно произнесла та, что говорила со мной. – Не помним. А где? – тут же спросила она, заметив, как погрустнело мое лицо.

– Здесь, – я окинул взглядом кафе. – Сейчас. Только что.

Девушки прыснули от глуповатого смеха, пряча лица то в шею, то в грудь друг дружке. Таким только дай повод посмеяться, и они разыграют из этого настоящее пантомимическое представление. Но чего уж там – смотреть его всегда было приятно.

– Ну ничего себе, какие мы самоуверенные, – наконец картинно возмутилась самая разговорчивая из них. – То есть, ты все уже за нас решил?

– Это было не моим, а твоим решением, когда твой сегодняшний выбор остановился на этой очаровательной блузке… Блузка же? Так она называется? Неважно. Тебе все к лицу. Что бы ты ни выбрала, исход все равно будет одним. Это неотвратимость. И как же ты предлагаешь нам ей сопротивляться? – ободряюще подмигнув другу, я опустил руку за его плечо. Вторая подружка проводила мою ладонь непонимающим взглядом.

– Откуда такая решительность? – спросила молодая особа, польщено опустив накрашенные глаза. – Ты ведь совсем меня не знаешь…

– Единственное, чего я не знаю – это твое имя, – жарко проговорил я, с трудом подавив отрыжку.

Черт, как же неловко, когда во мне говорит хмель.

– Узнаешь ее имя – забудешь свое, – некто угрожающе изрек позади меня.

– Ого, – не оборачиваясь, удивился я. – Да за моей спиной не кто иной, как страж баланса информации?

– Че?!

– Да все, мы уже уходим, – мой друг быстро протрезвел и в один миг поднялся из-за стола. По инерции я все-таки тоже подобрался следом.

– Давай-давай, – нетерпеливо прогнусавил все тот же голос. – Спрячься, чтобы больше тебя здесь не видел…

Бредя на выход, я все же не удержался и бросил куда-то между двух девушек на прощание:

– Созвонимся, не теряй.

– Что? – ахнул парень. Но, судя по голосу, взрослый мужик, отчего вдруг я слегка запереживал.

Я услышал, как он заторопился в нашу сторону, и, наконец, соизволил посмотреть. Ох, лучше бы молчал. К нам спешил гориллообразный мужчина, в трещавшей на распирающей груди рубашке. На мощной шее, обрамленной бычьими трапециевидными, было не менее мощное образование, в грубых неровностях которого угадывалась голова. В прорезях под массивными надбровными дугами ютились ревнивые, поросячьи глазки – они напористо всверливались в мое лицо.

– Ну-ка повтори, что ты там мяукнул? – пророкотал он, пытаясь сблизиться лицами.

– Созвонимся, если понадобится психотерапевтическая помощь, – зло пояснил я, отстраняясь на шаг. – Ведь кому-то она тут явно пригодится, а я как раз учусь по этой части…

И без того маленькие глазки мужика превратились совсем в монетки.

– Слышь, обморок, да я ведь тебя в порошок сотру, – вполголоса прогремел он сквозь зубы, затем, бегло осмотревшись по сторонам, продолжил. – Ты врубаешь вообще, че творишь?! Смерти себе что ли ищешь? Ты ж понимаешь, что я тебе кишки все выдавлю… Понятно?! – далее из его рта хлынули злопыхания вперемешку с матами, где он детально повествовал о своих возможностях и о том, как применит их на мне. Наконец, быдло остановилось после своего очередного вопроса, не требующего ответа, но в этот раз, судя по его выжидающему лицу, ответ оно таки ждало.

– Все? Ты забыл еще в грудь себе постучать, как горилла…

– Ах ты б… Ну мы сейчас сходим с тобой… – решило быдло. – Пошли-ка выйдем из парка, прогуляемся…

– У вас проблемы? – подоспел к нам официант.

– Да. Мы тут не знаем, что выбрать в меню, – ответил я, поддавшись наконец усилиям тянущего меня на выход друга. – Так что пойдем в другое место.

К счастью, мужик преследовать меня не стал. Тем более, официант уже что-то торопливо докладывал по телефону, с тревогой поглядывая на нас. Мы с другом спешно покинули это злосчастное заведение.

– Ну и что, стоило оно того? – все негодовал друг.

– Да откуда ж я знал, что это чудище припрется…

– Можно было догадаться! Больше не пытайся втянуть меня в подобное дерьмо, понял?

Я не ответил. Сердце все еще ужасно бухало в груди, грозясь выдать себя неровной речью, поэтому какое-то время мы шли молча.

– Все яркие девушки уже заняты, – более спокойно выразился друг. – Просто пойми это уже и больше не лезь на рожон…

– Представь себе, что подавляющее большинство парней, с рассуждениями как у тебя, проходит мимо таких женщин. В итоге, те кажутся настолько занятыми, что в действительности всегда одни.

– А эти, по-твоему, были одни?

– Ну, не совсем. Тем более, только одна из них. Второго хахаля я там не наблюдал, – неуверенно промычал я, вспоминая. – Впрочем, беря в учет харизму объявившегося орангутанга, можно предположить, что у них там вообще полиаморная семейка…

– Да даже если каким-то чудом отыщешь подобную девушку вне отношений, она все равно всегда будет облеплена избыточным вниманием, равно как и мы сейчас – комарами, – подытожил друг, прибив на своей шее сразу двух. – Долбанные насекомые, зима только закончилась, откуда они только успели взяться!..

Я окинул его взглядом. Моя вылитая противоположность. Высокий, немного угловатый, с рыжими волосами и веснушками на простодушном лице, совершенно не способным на хитрость. И что мы только нашли общего?.. Разве что рядом с ним… Нет! На фоне него я чувствовал себя уверенней.

– Те несколько девушек, с которыми ты пытался познакомиться за всю свою жизнь, не могут отражать статистику нынешнего положения дел в мире.

– Ладно, мне пора идти готовиться к выступлению, – буркнул друг, которого, как мне показалось, я задел за живое. Запоздало махнув рукой его удаляющейся спине, я двинул на центральную площадь парка.

* * *

Неторопливо бредя по парку, я тоскливо косился на галдящих людей. Однако их поведение заражало, корни социального интеллекта брали верх. Неудачное знакомство в ресторане уже выветривалось из головы. Я вообще на удивление неплохо умел абстрагироваться от плохих мыслей и воспоминаний, буквально не замечать их в упор. Игнорировать.

Какой-то дюжий мужик, вооружившись молотом в аттракционе, предназначенным для лиц неполовозрелого возраста, в буквальном смысле выколачивал наивысшие игральные очки. Нанеся очередной сокрушительный удар по резиновой наковальне, он довольно взревел под аккомпанемент выигрышной мелодии. Его вопль поддержали льстивыми аплодисментами две дамы, стоящие неподалеку. Какой-то ребенок, идя за руку с усатым отцом, попутно пытаясь обхватить своим маленьким и жадным ртом облако сладкой ваты, возбужденно мычал, указывая лакомством куда-то мне за спину. Я невольно перевел взгляд. Цепная карусель выпукло и монументально возвышалась над слякотным газоном. В моей памяти невольно всплыла иллюстрация из учебника с башней Ворденклиф.

Желудок съежился при виде визжащих на карусели людей. Уже было отвернувшись, я успел уловить краем глаза среди длиннющей очереди к аттракциону точеный очерк породистого женского лика. Лихо запрокинутая набок челка, надменный прищур, будто вызывающе вздернутые брови так и подначивали меня остаться и испытать судьбу еще раз. Тем более рядом с ней не ошивалось никого, кого на первый взгляд можно было бы счесть за ухажера. Она стояла, расслабленно выпятив бедро и самодостаточно водя пальцами по экрану своего смартфона.

Решившись, я допил пиво, выбросил банку в урну и встал в конец очереди. Если нам не суждено с ней пересечься даже просто беглыми взглядами, то как минимум, под действием этой вращающейся гигантской центрифуги мне удастся рассортировать по полочкам все свои мысли, в порядке возрастания их веса, а, соответственно, самые худшие и тяжелые из них упрятать на самое дно. Ну точно! Там, где не поможет личный дневник, навести порядок сможет уже только сама физика…

Взяв у кассирши талон, я привычно суммировал на нем все цифры регистрационного номера, даты выдачи, а вслед за ним – и те цифры, что составляли полученное число. Не то. Может, я ошибся? С цифрами алкоголь вызывал проблемы в первую очередь. Компульсивно перемножив и снова сложив цифры, я опять получил тот же посредственный результат. В момент, когда я нервозно выявлял процентное соотношение между произведением и их суммой, приглашающе заверещал сигнал, призывающий занять свои места на карусели. Цифры сегодня мне не улыбались. Рассерженно сунув запрограммировавший меня на неудачу талон в карман, я поторопился занять место неподалеку с этой девушкой. Втиснув свой зад в сидушку прямо за ней, я педантично закрепил на поясе ремень и стал неторопливо изучать вырез блузки на ее уже немного успевшей загореть спине.

Механизм пришел в действие, и ноги стали удаляться от земли, все выше и выше. Желудок снова недовольно сжался, и меня начало слегка мутить. Походу зря я все это затеял. Да и вообще, мысли то на самом деле невесомы, центробежная сила их не затронет, что, к сожалению, нельзя сказать про недавно выпитое пиво.

Карусель набирала вращение, нарастал наклон, что отдалял всех нас от центра. Глаза невольно зажмурились. Черт, что я вообще здесь делал…

Я старался не смотреть на то, что не вращалось по отношению ко мне. Цепь, в которую вцепился рукой, легонько дрогнула. Я перевел на нее замутненный взгляд, и в легкие стал закрадываться крик. Одно из звеньев, что как назло находилось в зоне недосягаемости для пальцев, решило пойти против системы, став незамкнутым, и расстояние между его разомкнутыми концами неумолимо росло…

Не успел я подумать, в каком же нелепом свете я предстану перед этой прекрасной незнакомкой, как меня тряхнуло, мир в глазах перевернулся, и, какое-то время продержавшись на одном лишь ремне, я вылетел из него, полностью дезориентированный, без возможности хотя бы сгруппироваться. Падение на землю было жестким и внезапным и, кажется, прямиком на голову.

Глава 3. Изнанка

Свистящие над моей головой скамейки замедлялись, карусель с аварийной спешностью останавливалась. Взволнованные крики врывались в уши, подобно трубкам сердитого оториноларинголога в военкомате.

– Живой?! – гаркнул почти в самое ухо какой-то мужик, подхватив меня за локти, чтобы поднять. – Сколько пальцев видишь? – он чуть ли не в нос сунул мне свою волосатую пятерню.

Прежде всего, в глаза бросилось даже не количество оттопыренных пальцев, а ороговевшие мозоли на них и крупные, забившиеся грязью поры. Вряд ли его профессия связана с мыслительным трудом. Это и оправдывает всю его медвежью грацию.

– Четыре, – пробормотал я, приглядываясь к непонятным струйкам, что стекали по его пальцам.

– Имя-то свое помнишь?

– Да.

– Сам до дома дойдешь иль скорую вызвать?

– Нет, нет, все в порядке, – возразил я. – Сейчас оклемаюсь.

– Ну, смотри сам, – окинув меня напоследок беспокойным взглядом, он двинул по своим делам дальше, протолкивая дорогу среди зевак, что столпились вокруг, путаясь в камерах своих смартфонов. А я смотрел вслед, вглядываясь в течение струек по его телу, количество которых росло, а видимость обретала все большую четкость.

Зажмурившись и помассировав веки, я заострил внимание на этих струйках, которые теперь уже были везде, как мелкий, липкий дождь, отчего допущение об их галлюциногенном происхождении рассыпалось в прах. Впрочем, эта загадочная субстанция существовала не только в виде струек, но и также в виде целых ручейков, ярко брезжащих гейзеров и даже неподвижных мутных вод сточной канавы – в зависимости от объекта, в котором она наличествовала. В зависимости от его формы или ее отсутствия. В зависимости от агрегатной принадлежности, размера и наполняющей его начинки, будь то влага, люминесцентным зноем растекающаяся в промерзшем слое почвы, или же подмаргивающий четко очерченной тенью карбюратор, скрытый под капотом проехавшего мимо грузовика с мороженым.

Невидимые доселе механизмы в недрах автомобилей, аттракционов, кассовых аппаратов, смартофонов в руках и фонарных столбов беззаветно выдавали свое местонахождение с механическими потрохами и принципом их действия в общих чертах, излучая это непонятное, не подверженное гравитации, затенению и прочим преградам свечение, характер и направление которого менялись каждый момент.

Сам мир будто дышал светом, вспотевая моментально рассеивающейся испариной, а на асфальте некоторое время оставались блики от только что ступивших по нему подошв. Само пространство скукоживалось от гуляющего в нем ветра, подобно гладкомышечной ткани проголодавшегося желудка – который, кстати, я тоже видел, опустив глаза вниз…

Я тряхнул головой, смахивая наваждение. Ну не мог же я в самом деле настолько безошибочно угадывать местоположение запчастей, да и в целом анатомию навороченной и незнакомой мне техники. Неужто я в самом деле все

видел насквозь?!

Закрыв лицо руками, я спохватился, что все равно продолжаю наблюдать светящиеся контуры и абрисы окружающих вещей, что вырисовывались в полноценный, хоть и лишенный красок ландшафт. Да, красок не было, однако он многократно превосходил по своему охвату угол обзора моих глаз. Это было сродни панорамному ландшафту, как у мухи. Все триста шестьдесят градусов.

Убрав руки, я неверяще крутанулся по сторонам. А вот это уже серьезно. Визуальная память, пусть даже и эйдетическая[3 - Эйдетический – психол. Эйдетизм – способность сохранять яркие визуальные образы предметов на протяжении длительного времени после исчезновения их из поля зрения.], не способна на такое, особенно если учесть людей, что разбредались от меня кто куда, в самые непредсказуемые стороны, а я продолжал наблюдать за ними вслепую.

Сомкнутые веки, как оказалось, тоже совсем не были помехой. Это новое чувство, или чем бы оно ни было, ориентировало не хуже глаз. Я видел не людей, а затухающий и снова воспламеняющийся шлейф от движения их конечностей. Цикличными вспышками пульсировал редуктор в карусели, затмевая все то, что менее активно копошилось рядом. Особо видимой яркостью обладали сигналы в голове каждого из людей. Болиды их биоэлектрических импульсов сновали по всему черепу, стукаясь о его стенки, а срикошетив, продолжали метаться, пока не натыкались друг на друга, чтобы слиться воедино и отправиться вниз по разветвлениям нервов и позвоночнику…

Стоило же глазам открыться, как весь этот салют разоблачающих мерцаний обрастал непроницаемым, разноцветным мясом. Но это все равно продолжало пробиваться лучами сквозь его пласты…

– С тобой все в порядке?! – прокричал человек за спиной. Но еще прежде, чем слова вырвались из его легких, я увидел их зарождение, а также заготовленную им громкость, что ясно читалась по степени яркости энергии, растекшейся вдоль межреберных мышц и диафрагмы. Еще раньше, чем я повернулся в его сторону, я уже желал убедиться в выползающем за ремень брюхе, что выдавало себя контуром энергии более высоких плотностей на фоне обычного и разреженного атмосферного газа.

– Давно хотел перепроверить надежность этих цепей, но все откладывал. И вот, как назло, такая беда… Сейчас еще отчитываться перед мэрией придется…

– Хмм, – ограничился я мычанием, засмотревшись на образование в виде заклепки, что засела, казалось бы, в самой толще его левой руки.

– Быть может, – промямлил он, тревожно теребя ворот своей жилетки, – мы договоримся? Просто сам понимаешь, не хотелось бы всей этой шумихи, тем более, я смотрю, ты парень крепкий. Дам тебе наличных на лапу, и сделаем вид, что все это тебе приснилось. Что скажешь?

– Давай, – не раздумывая, согласился я.

– Отлично, – облегченно улыбнулся толстяк, начав суетливо копошиться во множестве карманов своей жилетки.

– Второй слева внизу, – вырвалось у меня.

На какое-то мгновение застыв в замешательстве, он все же выудил из указанного кармана кошелек и, не сводя с меня подозрительного взгляда, отсчитал несколько купюр.

– Спасибо за понимание, – произнес он и уже хотел было уйти, как я, не удержавшись, спросил:

– А левая рука была сломана?

Его спина окаменела, он медленно развернулся.

– Мы знакомы?

– Нет, – я отрицательно мотнул головой. – Нет, просто взгляд наметан… В медицинском учусь.

– А-а, – понимающе протянул толстяк. Однако напряжение, сковавшее его лицо, не пропадало. Выдавив из себя неровную улыбку, он ретировался в комнату управления сломавшегося аттракциона. Я же, пошатываясь и с изумлением

озираясь по сторонам, двинул к выходу из парка.

* * *

Неровным шагом брел я по тропинке каменных джунглей. Данное сравнение, что популярно среди утомленных городским ритмом жизни клерков, на этот раз праведно занимала свое место. В недрах выстроенных в ряд высоток, словно в деревьях, текли питательные соки, что циркулировали по трубам, проводам и всему этому энергетическому мицелию, объединяющему все постройки, подвалы и прочие сооружения в поле моего трехсот шестидесятиградусного зрения.

Шаг был неровен не столько из-за сотрясения мозга, сколько из-за необычайно разоблачительной информации, что откровенно и без нижнего белья представала передо мной. Пожалуй, я был способен видеть даже звук, и он был вовсе не таким, каким я его представлял раньше. Все вокруг напоминало океан, что рябил и волновался от многочисленных пузырей и сильных глубоководных течений. От более сильных бурлений шли круги, что подавляли на своем пути всю рябь и круги поменьше. Сходство воздушной среды с водой было просто поразительным, за исключением одного но… Если рябь воды отображалась на поверхности, то здесь же все это приобретало дополнительную мерность, перерастая в волны по всему трехмерному, сферическому объему. Ну и, конечно же, эти волны были несколько быстрее тех, что омывали скалы и песчаные берега…

Люди ярко выделялись на фоне неоживленной материи, переливаясь огоньками следов своей жизнедеятельности. Я никогда не мог подумать, что среди них столько носящих имплантаты. Благородный свет исключительно плотной материи, находящейся в пределах человеческого тела, горел ровным фоном, не подвергаясь влиянию биохимических превращений, что соседствовали неподалеку. В бедрах, в плечах, в черепе, особенно в зубах почти каждый пятый человек, так или иначе, познал на себе симбиоз с металлоконструкциями. Но еще чаще встречалось нечто более рыхлое, разреженное относительно металла, с плотностью, близкой к людской плоти, но при этом определенно чужеродное. Судя по местам локализации этих формирований, я убедился, что это силикон. Даже и не подозревал, что им настолько часто злоупотребляют…

Боль в месте ушиба, про которую я почти позабыл, вновь решила напомнить о себе. В теле проснулась слабость. Параллельно с этим острота моего

всевидящего ока вдруг начала стремительно снижаться. Темные круги поплыли перед глазами, а во рту возник привкус ржавчины…

Я плюхнулся на первую попавшуюся лавку. Потоки энергии продолжали напоминающе блистать, но уже непосредственно в фокусе моего естественного зрения. Остальное же, что выходило в зону периферии, стало прежним. Скучным и скупым на информацию. Скрытым и недоступным. Непредсказуемым и потенциально опасным.

Ко мне приближался человек. Подняв на него мутный взгляд, я ощутил в нем имплантат. Где-то в пояснице. Или даже на ее поверхности. Похож на букву «Г». Пистолет!

Передо мной стоял полицейский и пристально рассматривал одежду. Я не стал, как с предыдущим человеком, заострять его внимание на моей подозрительной осведомленности, подтверждая вслух свои догадки о местонахождении пистолета, наручников и других его полицейских аксессуаров. Вместо этого мое лицо разгладилось, подбородок патриотически выпятился, а глаза перестали моргать.

– Можно ваши документы? – буднично поинтересовался полицейский.

Я мысленно восхвалил свою, как выяснилось, не никчемную привычку носить с собой паспорт. Негнущимися пальцами нашарил в кармане свое право на жизнь в виде цифр и текста и протянул ему.

Глаза бегали по строчкам, иногда поднимаясь на меня, чтобы сверить или найти к чему придраться.

– Интересная фамилия, – наконец, то ли с сарказмом, то ли на полном серьезе произнес он, вернув паспорт. – Что принимал?

– Предполагаемое за действительное, – осторожно отозвался я. – Ну и алкоголь немного. А так больше ничего. Просто сегодня явно не мой день. Да и вообще, неужели я так похож на какого-то торчка?

– Больше, чем ты думаешь, – отметил он, красноречиво окинув взглядом мою испачканную одежду. – Ступай домой и не смущай людей…

Спорить я не стал.

* * *

Мягко закрыв входную дверь, я все равно скривился от звучного щелчка замка, что словно топнул по моим барабанным перепонкам. Любой, даже незначительный звук сейчас воспринимался более чем утрированно, все раздражители стали раздражать в буквальном смысле этого слова. Перед моим плавающим взором возникло продолговатое лицо соседа.

– Ты снова не убрал… – начал он, но я тут же, поморщившись, прервал его замечание жестом.

– Прошу, не сейчас…

Еле стянув с себя обувь, я заплетающейся походкой побрел в свою комнату. Чуть не запнувшись об приветствующего меня кота, я рухнул на кровать, изнемогая от раздирающих в разные стороны желаний. Поесть и поспать. Я был слишком голоден и энергетически обесточен, чтобы позволить себе провалиться в сон. И, в то же время, слишком слабым и уставшим, чтобы найти в себе силы приготовить пищу, жевать и орудовать кухонным инструментарием. Даже просто встать казалось непосильной мне задачей. Даже раздеться. Я бесповоротно проваливался в сон. Последней мыслью было то, что происходящее сегодня как раз и было тем, во что сейчас я погружался.

* * *

По груди кто-то настойчиво топтался, выдавливая из меня остатки сна.

– Ну-ка, отсюда! – невнятно проворчал я и, спихнув с себя кота, повернулся на бок. Но вернуться в сон уже не удавалось. Я недовольно открыл глаза. Судя по углу теней, было уже довольно-таки позднее утро. Сколько же я спал… Я перевел взгляд на настенные часы, но тут же возле них заметил скользящий по

столу телефон. Удивленно приподнявшись, я увидел отображающийся на дисплее входящий звонок. Но где же звон?!

Чертыхнувшись, я вскочил с кровати, и тут же в уши мне ударил запоздалый звон телефона. А вместе с ним врезался в нос запах подгорающей яичницы, про систематичность приготовления которой я даже успел позабыть. Обеспокоенно потрогав место ушиба на голове, я все же взял разрывающийся телефон. Звонил, как оказалось, друг.

– Ты где был вчера?! – не удосужившись начать диалог с приветствия, выдал он. – Почему только сейчас взял? Я уж думал, что тебя тот мужик прихлопнул…

– Звонил? Я не слышал. Извини, я слишком крепко спал.

– Спал?! Ты почему ушел, не дождавшись меня после концерта?!

– Кое-что произошло… В общем, долгая история, ее надо рассказывать только при встрече. А вот конкретно сейчас мне надо бежать… Кстати, спасибо, что разбудил…

Закончив разговор, я глянул пропущенные и присвистнул. Похоже, друг и в самом деле всерьез допускал мысль, что я уже валяюсь в канаве возле парка. Сняв с себя грязную одежду, я спохватился, что не так уж и голоден, каким был накануне сна. А спал я долго, поэтому голод уже должен был попросту изъязвить мой желудок. Хотя кто знает, насколько серьезные сбои в гуморальной системе могло повлечь за собой такое падение на землю.

Я провел пальцами по волосам и скривился, ощутив под ними болезненную шишку. Надеюсь, мозг не пострадал. Одним из симптомов серьезной травмы могут быть зрачки разного размера. Надо проверить… Я дернулся было посмотреть, но запоздало вспомнил, что зеркала у нас в квартире отсутствуют.

Немного приуныв, я побрел на кухню под одобрительный возглас проголодавшегося кота. Дорогу мне перегородил угрюмый сосед.

– Там, похоже, холодильник сломался, – хмуро произнес он. На его лице тускло проступила полость носовой пазухи, а следом за ней – темный тоннель

евстахиевой трубы, по которому пронеслась тень его голосового эха. Я тряхнул головой. – Еда вся испортилась.

– Замечательно, – мрачно ответил я. – Хоть раз порадуемся, что у нас ее немного.

Оглядев холодильник, мне показалось, что он подвергся разгерметизации. Захлопывая дверцу, я не услышал привычного шлепка. Тогда я начал водить рукой по обрезиненному краю дверцы, пока не наткнулся на выемку. В этом месте резина как будто съежилась – вот и нашлась причина разморозки продуктов.

Впрочем, пропала не только скоропортящаяся еда, зависимая от низкой температуры, но и почему-то долгосрочная. Не обнаружив в этом логики, я с усталым вздохом заварил себе сухой овсянки. Конечно же, предварительно не забыв насыпать корма неугомонному животному, что непрестанно терлось о мои голени.

Не успел я приступить к овсянке, как меня отвлек телефонный звонок.

– Здравствуйте. Вы не…

Голос в трубке заглушил рев дрели за соседской стенкой. Опять этот ублюдок с дрелью… Дождавшись, пока в его стене, наверняка уже походившей на пемзу для отшелушивания пяток, появится новая дырка, я снова поднес телефон к уху.

– Повторите, пожалуйста, еще раз.

– …вы не забыли, что сегодня у вас начинается первый рабочий день?

– Здравствуйте. Конечно, не забыл, – ответил я секретарше, смутно удивившись построению ее вопроса – своим содержанием он допускал существование людей, способных признаться в своей безалаберности, да еще и в самом начале испытательного срока.

– Ждем вас, не опаздывайте.

Глава 4. Длань Господня

– Ты должен был объявиться двадцать… – директор вскинул свое волосатое запястье, – семь минут тому назад… – у его губ возникли твердые складки, глаза разочарованно сузились. – Пунктуальность не твой конек, не так ли?

– Простите, – пропыхтел я, нарочито тяжело дыша, – я вчера…

– Я подумал, – повысил голос директор. – И решил, что начнешь ты в качестве ассистента.

Я запнулся, горько сглотнув невысказанный протест.

– Хорошо.

Он красноречиво глянул вдоль лестницы.

– Тебя ждут.

Атмосферу офиса я невзлюбил с первого же ворвавшегося в уши замечания. Стационарные телефоны захлебывались в нетерпеливых звонках, болтовня операторов сплеталась в монотонный гомон. По стеклянной офисной перегородке громко постучал какой-то клерк, привлекая мое внимание.

– У нас тут вытирают ноги! – донесся глухой выкрик.

Кивнув, я тщательно испачкал ноги об замызганный и очень грязный коврик у входа. Идя вдоль перемежающихся тесных кабинок, я слышал яростный стук клавиш вперемешку с выдрессированными репликами по телефону.

– Вы так и будете молчать? – послышалось из глубин офиса. Ускорив шаг, я приблизился к столпившимся в кучу сотрудникам, которых, судя по всему, отчитывал генеральный менеджер.

– Кто украл столовые приборы? – с нажимом повторил он, пожирая выпученным взглядом понурившиеся лица моих будущих коллег. Все исподлобья

посматривали друг на друга.

– …десертные ложки из мельхиора, антикварные посеребренные вилки, – загибая пальцы, перечислял он. – Я их из собственного дома любезно предоставил вам для общего пользования… А вы, как животные!..

– Да никому они не нужны, – вырвалось у одного из клерков.

У генменеджера округлились глаза так, будто ему влепили пощечину. Подойдя вплотную к выступившему, он с приоткрытым ртом окинул того взглядом с ног до головы.

– И это ваша благодарность?

Я невольно засмотрелся на очертание его подвздошного ребра. Да. Вчерашние видения все же не были сном или галлюцинацией.

– Вы все такие умные, значит, никто не брал, да?

Встряхнув головой, я еще раз украдкой глянул на поглощенного расследованием генменеджера. Его ребро казалось чересчур ровным и интенсивным. В тон моему недоумению картинка проступила четче, и я различил абрис тонких четырех зубьев вилки, что скрывалась во внутреннем кармане его педантично застегнутого пиджака. Вместе с ней обозначились и остальные исчезнувшие столовые приборы, компактно расфасованные по остальным карманам, под рубашкой и заложенные за пояс кожаного ремня. Тот поймал мой изучающий взгляд, отметил его направление, и на его лице впервые промелькнуло беспокойство.

– А знаете что? – замер генменеджер. – Мне все равно, кто это сделал. Я вычту это из ваших зарплат, – сказал он и, развернувшись на каблуках, быстро удалился из офиса.

Сотрудники сердито загомонили ему в спину.

– Поищи получше, никому они тут не нужны…

– Да кто вообще его просил тащить сюда свою посуду!

Меня кто-то дернул за рукав.

– Новенький? – протянул один из сотрудников. – Это тебя заждались? Иди к тому дядьке, – он глумливо указал пальцем на хмурого, одутловатого менеджера по продажам, что растекся за рабочим столом в самом углу конторы.

Подойдя к нему, я кашлянул, привлекая к себе внимание. Глаза из-под набрякших век даже не сдвинулись. Решив обратиться к нему по имени и отчеству, я осекся – бирка с именем на рубашке толстяка была перевернутой.

– Изволил заявиться, – неожиданно пробасил он, медленно переводя на меня заплывший взгляд.

– Да, прошу прощения, больше не повторится.

– Надо заскочить кое-куда, – продолжал он, доставая ручку и отрывая от блокнота листик. – Вот адрес. Вручишь им этот документ, удостоверяющий контроль поставок. Пройдешься для виду, глянешь парочку холодильных установок, подпишешь и возвращайся.

– Это же другой край города, – воскликнул я, глянув на бумажку.

– Ну и что, проветришься, – осклабился он. – Здесь тебе все равно делать нечего.

* * *

Во внутреннем дворе стоял весенний, заплесневелый смрад, а стены жилого дома взмокли, словно их лихорадило – они потели ржавыми потеками воды и шелушились рыхловато-красной крошкой.

Тесный проход забаррикадировала рефрижераторная фура. Туда-сюда сновали грузчики. Неброское предприятие, специализирующееся на производстве холодильной техники, оборудовало под себя просторный подвал. Воздух тут был сухим, прохладным, пропахшим едкой вонью полиуретана. Путь мне преградил

дородной наружности рабочий, с сонливым лицом и сцепленными толстыми пальцами на брюхе.

– Ты из Технополиса, да?

Я кивнул, протягивая папку с документами. Недоуменно помедлив, он все же взял ее и ленивым поворотом шеи повлек за собой. Плетясь следом, я то и дело оглядывался на громыхание работающих станков, морщился от верещания экструзионных линий, выдавливающих горячие пластмассовые листы, вздрагивал от шипения термоформовочных машин и полязгивания неторопливо разъезжающих складских тележек. Встречные рабочие провожали нас меланхоличным взглядом. Однажды мне уже доводилось работать пару месяцев на такой же производственной фабрике грузчиком, и эти взгляды сразу мне напомнили, почему я оттуда так быстро ушел.

– Кажется, все в порядке, – произнес я, с умным видом пройдясь вдоль выстроенных холодильных витрин и продуктовых морозильников. – Где расписаться?

Пряча кривую усмешку, он обратно протянул мне мой же документ.

– Разберешься сам или указать где?

– Разберусь, – неловко кашлянув, заверил я. – А у вас тут, кстати… мм, мог бы поинтересоваться насчет резинового уплотнителя? Просто у меня дома холодильник…

– Да, конечно.

Дождавшись, когда я закончу, он проводил меня до мерно жужжащего конвейера с дрейфующим по нему сборочным материалом.

– Вот, сидит, видишь? – указал он на скучающего старичка в желтых защитных очках. – У него спроси.

Я послушно двинул к нему. Тот повернулся, заинтересованно сдвигая очки на лоб. Но мой заготовленный вопрос так и не слетел с языка. Взгляд приковала

стоящая рядом компрессорная установка, а точнее, головка ее цилиндра, что светилась для моего внутреннего ока неистово и ярко, как затухающая звезда.

– Я слушаю, – напомнил о себе техник.

А я уже и забыл, что хотел сказать. Вместо этого я взволнованно окинул взглядом стоящий вблизи огромный баллон с отпочковывавшимися от него длинными трубками, по которым струился…

– Гм… Подскажите, это… – я уточняюще ткнул пальцем баллон. – Легковоспламеняемая жидкость, да?

– Разумеется, аммиак – горючая жидкость, – подозрительно сощурился он. – А что?

– Кажется, у вас с этой штукой проблемы, – я неуверенно указал на компрессорный цилиндр. – Перегрев, кажется…

Он недоверчиво смерил взглядом установку.

– С чего взял? Датчики контролирует перегрев. Да и манометр, вишь, отображает идеальное значение…

– Но почему там тогда так… – замялся я.

– Как так?

Запнувшись от волнения, я не сумел подобрать нужных слов, поэтому пришлось снизойти до унизительного языка жестов. Снисходительная усмешка рабочего и отмалчивающийся манометр нагнетали во мне стыд. Я чувствовал, что выставляю себя на посмешище.

Но я ведь видел!

Буквально кожей чуял нарастающую температуру в разбухшем и накалившемся патрубке. А чуть ниже с ним соседствовал резервуар с прозрачным, но довольно плотным светом. Высокое давление. Вопреки железобетонному спокойствию

старичка в желтых очках, моя интуиция подсказывала, что вот-вот произойдет взрыв. А уж как он скажется на рядом стоящих баллонах с горючим хладагентом, мне и думать не хотелось…

– Что тут такое? – подошел к нам рабочий с сонливым лицом.

Распирающее сияние в патрубке нарастало. Тугоплавкий металлический сплав наверняка уже раскалился до вишневого оттенка, озаряя внутренности компрессора изнутри.

– Отсюда надо бежать, – пятясь и качая головой, решительно промолвил я. – Срочно.

Техник неверяще скривился. Уверенно протянув морщинистые пальцы к головке цилиндра, он тут же с матом отдернул руку. Стукнул по манометру.

– Чего это он… Слушай, а возможно ты и прав…

Лицо сонливого внезапно стало собранным.

– Все на выход, живо! – проревел он и, подскочив к настенной панели, дернул за рычаг. Тут же в подвале пронзительно заверещал сигнал тревоги. Мужик запоздало протянул руку в мою сторону, чтобы ухватить за локоть и повлечь, но я и так уже, обгоняя всех, мчался на выход. К счастью, фура уже уехала, в противном случае на выходе сейчас образовалась бы страшная, паническая давка. Грузчики и техники выбегали один за другим, во внутреннем дворике становилось невыносимо тесно.

Из недр подвала донесся зычный вопль, а следом хлопок и мощный взрыв, от которого у всех тряхнуло под ногами землю. Последний рабочий едва успел выскользнуть и прикрыть за собой тяжелую железную дверь, как в нее ударило тугой волной раскаленного газа. Мужика отшвырнуло на ступеньки, но рядом стоящие не растерялись и оперативно захлопнули дверь. Вырвавшаяся из подвала пыль заклубилась, быстро растворяясь в атмосфере.

– Не дышите, – сквозь ладонь прокричал один из тех, кто уперся спиной в дверь. Остальные закашлялись, спрятав лица в сгибе локтя и оттянутых воротниках

комбинезона.

– Двоих не хватает! – внезапно заорал один из техников.

– Львовича не видно…

– И Игорька, – мрачно добавил тот, которому я принес документы.

– Где чертова спасгруппа?!

– Думаешь, живы?

– А вдруг?! А вдруг они еще живы, а мы ждем?!

– Там же ядовитый газ! Отворишь дверь – и все подохнем!

Толпа рабочих взорвалась грубыми перебранками. Мнения разделились. Подавляющая часть предпочитала дожидаться спасательных служб. Но те немногие, что были против, взъярились не на шутку и начали силой проталкиваться к двери, крича что-то про трусость и братские узы.

Тем временем я уже успел оправиться от шока. Мое внимание уже вовсю шарило поверх искореженных останков техники и пыльных булыжников, беспрепятственно пронизывая толстые, закоптившиеся стены, гарь, с легкостью вспарывая тьму и пренебрегая маревом аммиачных испарений. Мне удалось нащупать пару обездвиженных тел. Один из них, помассивнее, безжизненно повис, нанизанный на торчащий арматурный штырь. Другой укромно скрючился в уцелевшей нише, но я не чувствовал биение его сердца. В его мозгах не брезжило ни малейшей искры.

– Они мертвы! – мощно выкрикнул я, сбив назревающий дебош.

– Да откуда тебе знать?! – перекосило от гнева одного из взбунтовавшихся.

– Он спас нас, – вмешался сонливый. – Это он предупредил всех!

– Там мой друг жив и ждет подмогу, – прорычал самый буйный, еще раз попробовав прорваться к двери. – А ты боишься только за свою шкуру! – рявкнул он в мою сторону. Его бурно поддержали единомышленники.

– Поверьте мне, они мертвы, – слабо повторил я. – Я вижу…

– Ты не можешь видеть! – выплюнул тот.

– Откуда он тогда знал, что рванет компрессор?! – вмешался техник, который некогда сидел рядом с взорвавшимся устройством. – Я и то ничего не подозревал! Да если бы не он…

– Да мне плевать, что он там знал, – взревел рабочий, снова предприняв попытку растолкать всех. – Мой друг умирает! – внезапно он обмяк в сдерживающих его крепких объятиях и неумело расплакался. Все, кто разделял его рвение, потухли взглядами. Каждый здесь в глубине души подозревал, что страшные слова юнца – сущая правда.

Я круто повернул голову, уставившись на стену дома. Заступившийся за меня техник заметил, что мой взгляд внимательно скользит по выцветшей кирпичной кладке.

– Что такое? – громко прошептал он, глядя на стену вместе со мной.

– Помощь уже здесь, – ответил я. Через полминуты донеслось эхо сирены спасательных служб.

Примчавшаяся флотилия машин агрессивно сигналила и чуть ли не наезжала на затрамбовавших внутренний двор зевак с улицы. Повыскакивали спасатели в черных комбинезонах и противогазах, несколько из них ворвались в дымящуюся дверь подвала, и вскоре оттуда стало доноситься повизгивание циркулярной пилы. Остальные оттеснили нас к дальнему краю двора и стали допрашивать, мимоходом оказывая доврачебную помощь. Меня попросили высунуть язык, затем грубым и торопливым жестом оттянули нижние веки.

– В порядке, – пропыхтел в переговорную мембрану сотрудник спецслужб и метнулся к следующему. Дверца подвала со стоном отворилась, и оттуда на

носилках вынесли два накрытых тела. На одном из них простыню оттопыривало нечто похожее на штырь. По толпе пробежал горестный вздох, все на несколько секунд трагически замолкли.

– Предположительно, заевший выпускной клапан вызвал переизбыток давления в головке компрессорного цилиндра, что привело к взрыву прилагающегося к нему ресивера с последующим воспламенением и детонацией цистерны с хладагентом, – отрапортовал один из прибывших экспертов.

– Манометр, мать его, был неисправен, – выдавил сквозь зубы тот самый техник с защитными очками на лбу.

– Как вы тогда успели среагировать?

– Он, – техник мотнул головой в мою сторону. – Не знаю как, но он просто подошел и с ходу сказал…

– И про Львовича с Игорем угадал…

– Ты что, насквозь все видишь? – с непонятной злостью обратился ко мне какой-то перепачканный рабочий. Остальные уставились на меня с вытянутыми лицами. Один даже перекрестился.

– Да ну… Не может быть такого.

– Рука Господа его направляла. А нас ангелы-хранители спасли…

– Все, давайте по машинам, – хлопнул в ладоши сотрудник спецслужб. – Всех надлежит отправить в стационар. Давайте живее, не хватало еще этих чертовых журналистов с их вопросами.

Подъехала еще пара реанимобилей, пострадавших спешно рассаживали, и меня затолкнули в один из них. Буквально перед самым носом какого-то репортера с камерой, спешившего ко мне, захлопнулась сдвижная дверь. Завыла расталкивающая всех на своем пути сирена, и карета скорой помощи тронулась в путь. Я осторожно поднял глаза на сидящих передо мной рабочих. Они с угрюмой опаской пялились в ответ.

– Улыбнись, – неожиданно попросил я одного из них.

Тот нахмурился, переглянулся с остальными, но, встретившись с моим пристальным серьезным взглядом, он все же выдавил из себя кривую улыбку. Правый угол рта остался опущенным. Сощурившись, я внимательнее присмотрелся к неоднородности в толще его мозга. Небольшая зона в левом полушарии будто бы слегка померкла, а в ее центре поблескивало точечное уплотнение.

Я ткнул его пальцем во взмокшую шевелюру прямо над тем местом, где на глубине трех сантиметров чувствовался тромб. Его рот недоуменно приоткрылся.

– Скажешь, что у тебя ишемический инсульт.

– Ч-ч-что?

– Уточни, что именно ишемический, а не геморрагический, – членораздельно пояснил я. – Так хоть избежишь люмбальной пункции[4 - Люмбальная пункция – мед. Введение иглы в поясничный отдел позвоночника с диагностической или анестезиологической целью. Болезненная и опасная процедура.] для дифференцировки…

Глава 5. Атеист

– Почему вы навязываете моей дочери свою веру?! Свой атеизм!

Благодушный с виду мужичок, с окладистой бородой и конским хвостиком, опускающимся с затылка, стоял напротив лектора и требовал ответов. У той округлились глаза.

– Да упаси меня Го… Гормоны! – издевательски запнулась она. – Никому я здесь ничего не навязываю.

Мужичка аж перекосило от подобного кощунства.

– Все, что я делаю – это делюсь знаниями. В этом и заключается моя работа, – рассудительно продолжала лектор. – И да. Атеизм вообще не вера. Это отрицание любых вер. Это предпочтение полагаться только на здраво обоснованные факты.

Пришедший поморщился, словно от зубной боли.

– Мы отдали свою дочь сюда для того, чтобы она научилась людей исцелять! Нести свет больным людям. А вы пытаетесь внушить, что света нет! Вы заблуждаетесь, считая, что людей вылечивают только лишь ваши лекарства. Да-да, – он с неохотой поправился, глядя на отпрянувшего в изумлении лектора. – Конечно, они нужны. Но без Божьей помощи они бессильны. Если у вас испорченная душа, не надо портить ее и нашей дочери!

– Да вы что? – опешила нейрофизиолог. – Действительно, пациенту полголовы снесло, хирург с предельной сосредоточенностью собирает выпавшие мозги в течение суток, что, в итоге, спасает пострадавшего и дает ему шанс на продолжение жизни. А оказывается, все действия врача направлялись дланью Господа. Или, может, врач просто бессмысленно копался, что-то сшивал, тем временем как Божественное вмешательство реанимировало практически безнадежного пациента? – с тенью издевки поинтересовалась она. – Знаете, с такими понятиями вам и вашему вездесущему Другу стоило бы пойти в заведение попроще этого.

Бородатый мужчина уже было открыл рот, чтобы закатить очередную просветительскую тираду, но замер на полуслове.

– Пожалуй, да, – поникшим голосом произнес отец. – Правильному здесь не научат. Пошли, – буркнул он своей дочери, что с готовностью подорвалась, бросив напоследок неприязненный взгляд на учителя.

– Кстати, – бросила лектор вдогонку. – Мне всегда было интересно, а что это за очищение в проруби с ледяной водой? Очищение от репродуктивных функций? Или очищение будней от учебы из-за воспаленных гланд?

Спина ушедшего было отца окаменела. Видно было, как он пытается справиться со злыми чувствами. Пальцы его правой руки сомкнулись и начали циклично

тыкаться в лоб, плечи и низ живота, а его рот зашептал негодования вперемешку со сбивчивыми извинениями перед своим обидчивым другом.

– О, да у вас, я так смотрю, обсессивно-компульсивное расстройство[5 - ОКР – психол. Обсессивно-компульсивное расстройство. Невротическая патология, выраженная навязчивыми состояниями, мыслями-паразитами (например, назойливые фантазии с сексуальным или садистским подтекстом, зачастую противные самому представляющему; страх заражения через бытовой контакт или даже просто воздух; дискомфорт при виде асимметрии) и стимулами к повторяющимся действиям или даже целым ритуалам, не имеющим объективного смысла, но способными кратковременно привносить больному облегчение. Например, частое сплевывание якобы загрязненной воздухом слюны, подсчет напольных плиток или цифр в объявлениях, номерах машин, вынужденное прикосновение к предметам четное или нечетное (в зависимости от позиций, которых придерживается больной) количество раз и т. д.]? – участливо поинтересовалась нейрофизиолог. – Не волнуйтесь, это настолько часто встречающийся недуг, что с некоторых пор его принято считать нормой. Вот у меня тоже есть это расстройство. К примеру, время от времени я складываю и перемножаю цифры на часах, на буклетах, на номерных знаках у автомобилей, и вообще везде, где они только подвернутся. Как и в остальных клинических случаях, это совершенно бессмысленный ритуал, но зато ему под силу предотвращать тревогу и волнение больного человека…

Дочь святого человека обеспокоенно всмотрелась в лицо своего отца и насильно потащила его за руку на выход.

– Полагаю, лучше вам не становится, – отметила лектор напоследок. – Попробуйте тогда для симметрии в том числе и левой рукой повторить свои действия… При компульсиях стремление к симметрии зачастую играет ключевую роль…

* * *

– Судя по тому, как написано слово Бог

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гетерохромия – мед. Различный цвет радужной оболочки левого и правого глаза. Является результатом относительного недостатка или избытка пигмента меланина.

2

Когнитивный диссонанс – психол. Психический дискомфорт, вызванный столкновением в сознании индивида противоречивых знаний, убеждений, поведенческих установок относительно некоторого объекта или явления.

3

Эйдетический – психол. Эйдетизм – способность сохранять яркие визуальные образы предметов на протяжении длительного времени после исчезновения их из поля зрения.

4

Люмбальная пункция – мед. Введение иглы в поясничный отдел позвоночника с диагностической или анестезиологической целью. Болезненная и опасная процедура.

5

ОКР – психол. Обсессивно-компульсивное расстройство. Невротическая патология, выраженная навязчивыми состояниями, мыслями-паразитами (например, назойливые фантазии с сексуальным или садистским подтекстом, зачастую противные самому представляющему; страх заражения через бытовой контакт или даже просто воздух; дискомфорт при виде асимметрии) и стимулами к повторяющимся действиям или даже целым ритуалам, не имеющим объективного смысла, но способными кратковременно привносить больному облегчение. Например, частое сплевывание якобы загрязненной воздухом слюны, подсчет напольных плиток или цифр в объявлениях, номерах машин, вынужденное прикосновение к предметам четное или нечетное (в зависимости от позиций, которых придерживается больной) количество раз и т. д.

Купить: https://tellnovel.com/ru/no_andrey/sub-ekt-chast-pervaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить